

Н. Н. Телицин

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УЙГУРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ*

При описании письменности тюркских народов древности особо следует учитывать их этноконфессиональные особенности, которые во многом были основными причинами развития письменной культуры по тому или иному пути. В связи с этим следует упомянуть об истории тюркской государственности, которая может пролить свет в том числе и на возникновение и становление того или иного вида письма тюрков и, соответственно, уйгуров.

Первым видом тюркского письма является древнетюркское руническое письмо, возникшее не раньше второй половины VII в. Данное письмо было распространено на обширной территории от Каспийского моря до Северной Монголии и представлено памятниками, датируемыми VII–IX вв. По мнению многих исследователей, язык рунических памятников является «наддиалектным» литературным языком тюркских народов, входивших или контактировавших с существовавшими в тот период крупными объединениями тюркских племен (*on oq bodun*) и тюркскими государствами (Тюркский каганат (VI–VIII вв. н.э.), Уйгурский каганат (VIII–IX вв. н.э.), Уйгурское государство в Восточном Туркестане (IX–XIII вв. н.э.) [16, с. 23].

При описании уйгурского языка следует отметить тот факт, что самые ранние уйгурские памятники были написаны руническим письмом в период существования Уйгурского каганата (740–840 гг.). К ним традиционно относят надписи на камнях (Селенгинский камень, или памятник Моюн-чуру (ок. 760 г.), Карабаласагунская надпись (ок. 821 г.), Сэврэйский камень, Терхинская стела (ок. 753 г.) и Тэинская стела (ок. 762 г.), а также знаменитую рукопись руническим письмом на бумаге «Гадательная книга» (*Yrğ bitig*) и некоторые другие фрагменты из Восточного Туркестана.

Из перечисленных памятников лишь один — Карабаласагунский — представляет собой трехязычную надпись, содержащую китайские, согдийские и тюркские письмена.

По своему содержанию большинство надписей на камнях представляют собой эпиграфии правителям и содержат важные сведения по истории уйгурского каганата, что следует отнести к продолжению «тюркской» традиции создания письменных памятников. Здесь следует особо остановиться на термине «тюрк-тюркский».

Первое упоминание о тюрках как ветви хунну встречается в китайских летописях III в. Вполне вероятно, что упоминался один из небольших родов Ашина, который позднее, в конце V — начале VI вв., встает во главе крупного объединения племен теле, назвавших себя «тюрк» [14, с. 160]. Согласно китайским источникам, часть гуннских племен, в конце III — начале IV в. переселившаяся в Северо-Западный Китай, была вытес-

*Материал подготовлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 08-03-12129в, проект «Создания научно-образовательного информационного ресурса “Современное востоковедение” и сети дистанционного обучения восточным языкам и дисциплинам востоковедения» (2008–2010 годы).

© Н. Н. Телицин, 2010

нена в конце IV в. в район Турфана, где продержалась до 460 г. В том году на них напали жужане, уничтожили созданное ими владение и переселили покорившихся гуннов на Алтай. В числе переселенцев было и племя ашина. На территории племени преобладало иранское и тохарское население, обогатившее язык и культурные традиции ашина. Можно сказать, что именно здесь и зародились тесные тюрко-согдийские связи, имевшие огромное значение для всей культуры и государственности древних тюрков.

Что же касается упоминания тюрков в европейских исторических летописях, то оно связано с возникновением первых тюркских государств — Тюркского (тюркютского) каганата (ок. 551–603 гг.), Западнотюркского (603–657 гг.) и Восточнотюркского (603–630 гг.) каганатов, а позднее — Второго тюркского каганата (682–745 гг.). В этот период название «тюрк» закрепилось за всеми народами, составлявшими этническое единство указанных государственных образований.

Древнетюркское руническое письмо состояло из 37–39 знаков геометрической формы и было хорошо приспособлено для фиксации на камне и других материалах. Это письмо достаточно точно передавало практически все фонетические особенности тюркских языков. Большая часть знаков, передающих согласные, имела два варианта начертания — для обозначения твердых и мягких согласных, употреблявшихся с гласным переднего или заднего ряда.

Следует отметить тот факт, что рунический алфавит, по мнению многих тюркологов, пережил три этапа своего развития: 1) архаический, к которому относят тюркские памятники Семиречья (VI–VII вв.) и Енисея (VI–X вв.); 2) классический, к которому следует отнести только памятники Второго тюркского (тюркютского) каганата (первая половина VIII в.); 3) поздний, охватывающий памятники эпохи Уйгурского каганата (вторая половина VIII–IX вв.), памятники восточного Туркестана (IX в.) [13, с. 52–54]. Традиционно считалось, что руническое письмо возникло на основе согдийского некурсивного алфавита, хотя существуют и другие точки зрения на возникновение и развитие данного письма [см., например: 12, с. 146–150].

Вторым по распространенности признается уйгурское письмо, возникшее, как предполагается на базе курсивного согдийского древнего письма в I тыс. н.э. Более точная временная локализация возникновения этого типа древнетюркского письма может быть основана только на исторических фактах, способствующих более детальному изучению периодов его возникновения и развития.

Как представляется, историю возникновения уйгурского письма следует связывать как с историей возникновения и развития Уйгурского каганата (745–840 гг. н.э.), так и с теми политическими и социальными процессами, которые происходили в тот период среди уйгуров.

Одно из первых упоминаний об уйгурах можно найти в китайских источниках, относящихся к V в., в которых упоминаются племена «теле-тегег». В состав данного союза и входили уйгуры. После образования Тюркского каганата (Первый тюркский каганат, около 550–630 гг. н.э.) эти племена вошли в его состав, но почти всегда находились в состоянии мятежа. После воссоздания Тюркского каганата (Восточнотюркский каганат, 682–744 гг. н.э.) часть уйгурских племен ушла в низовья Эцзингола под покровительство империи Тан.

К середине VIII в. уйгурским племенам удалось при поддержке племен «басмылы» и «карлук» сокрушить Восточнотюркский каганат и создать свое государство — Уйгурский каганат, просуществовавший с 745 по 840 гг. н.э.

Именно на период существования Уйгурского каганата приходится распространение среди населения каганата манихейства. Толчком для более широкого проникновения манихейства мог послужить тот факт, что один из правителей Тенгри Эльгутмыш Алп Инги Бильге-каган, более известный как Бёгю-каган (757–779 гг.), принял манихейство в Лояне около 60-х гг. VIII в. В тот период войска под его предводительством помогали Танской империи разгромить мятеж Ань-Лушаня — Ши Чаои. К слову, после этого мятежа Танская империя так и не смогла оправиться от потрясений.

После подавления мятежа уйгурский правитель Бёгю-каган способствовал распространению манихейства в своем каганате, для чего были приглашены согдийские миссионеры-манихейцы. Кроме того, следует отметить и то, что при Бёгю-кагане было сильным и уйгурское влияние в Восточном Притяньшанье, высказывалось мнение об «открытом протекторате». Позднее же, вплоть до гибели Уйгурского каганата в 840 г. н.э., во вновь возникшем Уйгурском государстве Кочо вся родовая знать уйгурских племен исповедовала манихейство.

Именно этот факт и следует, видимо, считать если не началом развития собственно уйгурского письма, то, по крайней мере, его широким распространением, поскольку с насаждением манихейства, по всей видимости, получило свое дальнейшее развитие и уйгурское письмо, которое наравне с манихейским письмом использовалось в религиозной общине манихейцев на обширной территории Центральной Азии.

Так, если говорить о самом раннем произведении на древнеуйгурском языке, написанном уйгурицей, то за таковое принимается «Покаянная молитва манихейцев» («Хуастуанифт»), датируемая V в. н.э. Традиционно считается, что данное произведение является переводом с древнеперсидского или древнегреческого языка на уйгурский. Однако, по мнению В.В. Радлова, текст написан на хорошем тюркском языке и не обнаруживает признаков перевода [7, с. III–IV; 22, с. 8–10].

По другим данным, начальный этап «древнетюркской литературы на бумаге» связывается с переводом сутры «Нирванасутра» (ориентировочно VI в.), а расцвет — на IX–XIII вв. [15, с. 211].

Теперь, если сопоставить временные рамки существования двух основных видов письма древних тюрков — рунического и уйгурского, можно увидеть следующую закономерность. В период существования Тюркского каганата (VI–IX вв.) в среде тюркских племен, так или иначе подчиненных или связанных с каганатом, распространено руническое письмо, приспособленное (а точнее — созданное) для фиксирования в первую очередь границ земельных владений, имущества, а затем применяемое уже и для начертания эпитафий. По выводам исследователей, данный вид письма был широко распространен, что говорит о «грамотности» древних тюрков. Следовательно, данный вид письма был понятен большому числу древних тюрков, что в свою очередь говорит об отсутствии «обожествления» письма, характерного для многих других народов.

Возникновение же собственно уйгурского письма и факт его параллельного сосуществования с руническим письмом можно охарактеризовать следующим образом.

На момент возникновения государственности у уйгуров к середине VIII в. уже существовало широко распространенное письмо, которое для кочевых народов, коими являлись в те времена и тюрки, и уйгуры, было необходимо лишь для определенных целей — хозяйственных (маркирование земельных территорий) и культурных (создание эпитафий — исторических хроник). На тот период это письмо было «достаточным». Отдельные памятники, написанные в тот период другими видами письма — манихей-

ским, эстрангело, брахми, тибетским и уйгурским — составляют совершенно другой срез памятников, являющихся переводами или сочинениями на религиозную тему. Узкая распространенность данных видов письма в то время определена и узким кругом распространения того или иного верования, отражаемого в них.

Только с распространением манихейства среди уйгуров возникает необходимость в «усовершенствовании» письма. Здесь не следует забывать и тот факт, что манихейство в Уйгурском каганате условно можно считать насаждаемым «сверху», следовательно, и письмо могло быть привнесено в уйгурскую среду извне. По всей видимости, согдийские миссионеры-манихейцы и стали теми людьми, кто внедрял наряду с религией и письмо, созданное на основе близкого им письма — согдийского. Это подтверждается и малым количеством памятников, относимых к древнеуйгурскому языку и написанных руническим письмом.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что уйгурское письмо возникло, по всей видимости, в связи с миссионерской деятельностью согдийских манихейских общин, стремившихся распространить свою веру среди кочевых народов — тюрок, уйгуров и др. Для этого адаптировался используемый согдийцами вид арамейского (согдийского) письма. Вначале данное письмо существовало только в кругу манихейских общин и не имело широкого хождения и поддержки ни со стороны народа, ни со стороны правителей тюркских и уйгурских племен.

Немаловажным фактором распространения уйгурского письма признается и «относительная компактность» этой системы, которая строилась на основе 16 графических элементов, передававших около трех десятков фонем [21, с. 11].

Следует отметить и то, что уйгурское письмо следует разделять как минимум на две составляющие: древнеуйгурское и уйгурское (караханидское) письмо.

Древнеуйгурское письмо является алфавитным, и вначале состояло из 16 знаков, из которых позднее сложилось уже около 20 знаков. В общей сложности они передавали до 30 фонем с аллофонами. Многими исследователями оговаривается и тот факт, что в памятниках можно отметить частые случаи полифонии и омографии. Однако, как показывает практика, все это было преодолено путем «стандартизации» написания наиболее употребимых слов и словоформ. Можно отметить и то, что варианты написания тех или иных лексем или словоформ, грамматических показателей и т.п. едины не только для «классических» текстов, но и для быстро начертанных записок.

Каждый знак, за исключением знака «z», имел четыре вида начертания: начальный, средний, конечный и изолированный. Текст писался вертикально сверху вниз слева направо.

Первые памятники древнеуйгурского письма датируются V (VII)–XIV вв. и, как уже упоминалось, относятся к периоду существования уйгурских государств в Восточном Туркестане (Турфан, Кочо) и Монголии. Большинство из дошедших до нас памятников — переводы с согдийского, тохарского, китайского языков и санскрита религиозных, в большей степени буддийских, произведений, меньше встречается переводов манихейских и христианских произведений.

В связи с этим хотелось бы отметить и то, что много памятников древнеуйгурского письма, обнаруженных во время многочисленных экспедиций в Центральную Азию и Турфан [19, с. 93–110], были доставлены различными исследователями в Россию и находятся в настоящее время в рукописном фонде Института восточных рукописей РАН. В нем хранится более четырех тысяч единиц рукописного материала. К сожалению, до сих пор нет систематического описания и каталогизации этих памятников.

В архиве хранится огромное количество самых различных по размеру и сохранности фрагментов рукописей и ксилографов, имеются также свитки и полные книги. Что же касается рукописной части хранения, то следует отметить, что большинство текстов написаны уйгурским курсивным или полукурсивным письмом. По своему содержанию эти материалы представляют собой произведения религиозного характера, переведенные с разных языков. В большей степени они относятся к буддизму и манихейству, однако встречаются переводы и христианского содержания. Редко встречаются отрывки гадательных и астрологических текстов.

Из первых опубликованных отрывков следует упомянуть четыре древнейгурских памятника, опубликованные В.В. Радловым в 1899 г. Это два фрагмента религиозного содержания и два юридических документа. При их публикации В.В. Радлов впервые применил способ «наборного» издания самого фактического материала, для чего был создан специальный типографский шрифт. В дальнейшем В.В. Радловым были опубликованы многочисленные памятники древнейгурского письма, к которым относятся перевод на древнейгурский язык буддийской сутры *Tiṣṭavustik*, сутры *Suvarnaprabhāsa* («Золотой блеск»), *Kuan-ši-im Pusa* (25-я глава китайской версии сутры *Saddharmapundarika* («Лотос доброго закона»), документы первой немецкой экспедиции А. Грюневельда (1902–1903 гг.) в количестве 46 отрывков, знаменитая *Xuāstūānīft* («Покаянная молитва манихейцев»). Были подготовлены и другие материалы, которые были изданы уже после смерти В.В. Радлова. Прежде всего это уйгурский текст сутры *Säkiz Yükmäk* («Восемь светов» — перевод В.В. Радлова), большой юридический документ (200 строк) и многие другие.

В дальнейшем работой над древнейгурским материалом занимался ученик В.В. Радлова С.Е. Малов и другие известные тюркологи: А.М. Бернштам, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак, Д.М. Насилов, Л.Ю. Тугушева и др.

Наряду с указанными произведениями, опубликованными в России, следует особо отметить и публикации зарубежных тюркологических центров; в большей степени это касается центров, расположенных в Германии. Большинство памятников публиковалось и публикуется в двух огромных сериях «*Türkische Turfantexte*» и «*Berliner Turfantexte*», издаваемых с 1929 до 1958 г. и с 1971 г. по настоящее время соответственно. В них печатаются на древнейгурском, а в «*Berliner Turfantexte*» и на тибетском, китайском и др. языках тексты различного содержания. Особо следует отметить Берлинскую коллекцию древнейгурских рукописей, собранную в 1902–1914 гг. во время Турфанских экспедиций. Коллекция насчитывает более 8000 фрагментов [2, с. 236].

Большинство из дошедших до нас произведений являются, как уже указывалось, переводами религиозных, чаще всего буддийских, сочинений. Однако исследователи отмечают и то, что среди них существует немало стихотворных изложений известных сочинений того периода [20, с. 235–253].

При рассмотрении содержания древнейгурских памятников зачастую указывают только на их буддийскую принадлежность. Но, как мы уже отмечали, некоторые памятники написаны христианами-несторианцами. К сожалению, количество таких документов невелико, что можно объяснить лишь тем, что свои проповеди несторианцы в тот период вели на сирийском языке, а тексты на тюркском языке использовались лишь для миссионерских целей [9, с. 366].

Самый крупный фрагмент христианского содержания содержит тюркскую версию о поклонении волхвов младенцу Христу, выполненную по апокрифическому Евангелию

от Иакова [6, s. 5–10]. Другим крупным фрагментом можно назвать молитву из жития св. Георгия [1, s. 241; 5, s. 48–49].

В истории изучения древнеуйгурских памятников часто упоминают имена переводчиков, которые оставляли сведения о себе в соответствии с литературной традицией в колофонах произведений. Чаще всего встречаются переводы Сынгку Сели Тутунга, Калыма Кейши, Арпынчур Тегина, Асыг Тутуна, Чисуй Тутуна, Пратъя Шири и др.

Многие исследователи при описании истории древнеуйгурского письма указывают на то, что до наших дней дошло не так уж много памятников, написанных уйгурицей, однако следует отметить, что в соответствии с многочисленными историческими данными у древних уйгуров существовало огромное количество написанных на бумаге произведений, которые составляли целые библиотеки [3, s. 302; 21, с. 16].

Этому способствовало и развитие «ксилографии» — особой техники издания текста. Сам способ издания был заимствован из Китая, где он и зародился в VII в. [см., например: 10, с. 52; 17, с. 353]. Порядок воспроизведения был довольно прост. Бумагу с написанным текстом наклеивали лицевой стороной на деревянную доску и выбирали фон — получалось что-то похожее на наборный макет в современных типографиях. Такой порядок издания позволял тиражировать книги в огромных количествах, что отчасти способствовало и распространению грамотности среди населения. Позднее техника печатания была усовершенствована: вырезался уже не текст, а отдельные знаки, что позволяло «набирать» тексты.

Кроме религиозных текстов, выполненных древнеуйгурским письмом, до наших дней дошли и некоторые «деловые» документы. По некоторым сведениям, в настоящее время известно о существовании порядка 400 документов — различных актов и писем.

Письма-акты представляют собой различные договоры о продаже, обязательства, хозяйственные записи. Примечательно, что все они составлены по определенному канону, что говорит о развитой и сложившейся юридической системе. Кроме того, можно отметить и то, что многие документы создавались не писарями, а самими участниками договоров [4, s. 449–460].

Традиционно дату создания этих документов относят к XII–XIV вв., хотя, по мнению В.В. Радлова, эти документы создавались на протяжении многих столетий [8, s. 73]. Это, на наш взгляд, может считаться окончанием древнеуйгурского этапа уйгурской письменности и постепенным сближением древнеуйгурского языка со среднеазиатскими диалектами, приближением его к так называемому «новоуйгурскому языку».

Второй этап существования уйгурского письма принято связывать с государством Караханидов. По мнению Э.Н. Наджипа, в это время происходило становление нового письменного тюркского языка — карлукско-уйгурского [18, с. 6–7].

В этот период письмо немного изменяется в силу перестройки самого языка. Так, появляются новые знаки для возникающих в тот период новых звуков, не свойственных тюркским языкам. Можно отметить и некоторые изменения в начертании имеющихся знаков.

Наиболее ранним литературным произведением считается поэма «Кутадгу Билиг» Юсуфа Хас-Хаджиба (Баласагунского), датируемая 1069 г. Существуют несколько списков рукописи поэмы: гератская рукопись выполнена уйгурицей и хранится в Вене, две другие — Каирская и Наманганская рукописи — выполнены арабской графикой. Рукопись уйгурским письмом датируется 879 г. хиджры (1474 г.).

«Кутадгу Билиг» не только признается политическим трактатом, но и воспринимается как свод знаний по различным областям науки и культуры той эпохи, здесь рассмотрены мировоззренческие проблемы смысла жизни, предназначения человека, его места и роли в обществе и природе.

Появление «Кутадгу Билиг» знаменует завершение древнеуйгурского периода существования уйгурской письменности, поскольку в это время заканчивается формирование нового письменного языка — карлуко-уйгурского письменного языка. Он оказал огромное влияние на язык тюркских народов, проживавших в Центральной Азии и Восточном Туркестане.

Уйгурское письмо просуществовало у тюрков вплоть до XV в. Как раз в этот период происходила постепенная замена уйгурской графики арабской, которая была привнесена в тюркский мир вместе с исламом. Ярким примером постепенного перехода от уйгурской графики к арабской можно назвать надпись на каменной плите, высеченной по распоряжению «верховного правителя в Самарканде Тимура (1370–1405)» и датированной 1391 г.

Первым исследователем, изучившим надпись, был российский востоковед Н.Н. Поппе, который определил, что надпись состоит из трех строк, писанных арабскими буквами, и восьми — знаками уйгурского письма. Начальная строка была уверенно интерпретирована как арабская кораническая формула «بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ». В отношении двух оставшихся арабских строк Н.Н. Поппе была сделана оговорка о невозможности их интерпретации. Однако позднее была высказана иная точка зрения, дающая возможность прочесть их.

Особый интерес представляют строки, написанные уйгурицей, которые вначале считали выполненными не на уйгурском языке, а на «среднеазиатско-тюркском литературном языке», за которым в XV–XVI вв. закрепилось название «чагатайский» [11, с. 4]. Следует отметить, что уйгурская надпись является самостоятельной и сделана квалифицированным резчиком по камню, который очень хорошо знал этот вид письма.

Этого нельзя сказать об арабской части, которая представляется «дополнительной», к тому же выполненной на менее ровной поверхности камня. Кроме того, отсутствие диакритики арабского текста говорит о плохом знании резчиком арабской графики.

Все это можно признать за факт, подтверждающий время перехода с уйгурской графики на арабскую. Если сам камень датируется 1391 г., то конец XIV — начало XV в. можно назвать периодом одновременного существования двух видов письма с постепенным вытеснением уйгурского.

Литература

1. *Bang W.* Bruchstücke einer Nestorianischen Georgspassion // *Le Muséon*. Vol. 39. S. 41–75.
2. *Hazai G.* Die Turfantexte und ihre Erforschung // *Das Altertum*. 1974. Bd 20. S. 230–236.
3. *Laufer B.* Zur Buddhistischen literature der Uiguren // *T'oung Pao*. 1907. Serie 2. Vol. 8. S. 391–409.
4. *Le Coq A.* Handschriftliche uigurische Urkunden aus Turfan // *Turan*. 1918. S. 449–460.
5. *Le Coq A.* Türkische Manichäica aus Choschto. 3. Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. 1922. N 2. S. 3–49.
6. *Müller W.F.K.* Uigurica I. Abhandlungen der Berliner Akademie der Wissenschaften. Bd I. Berlin, 1908. 90 s.
7. *Radloff W.* Chuastuanit, das Bussgebet der Manichaer. Hrsg. und übersetzt von W. Radloff, St.-Pbg., 1909. III–IV. 160 s.

8. Radloff W. Uigurische Sprachdenkmaler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben. Leningrad, 1928. S. 5–50.
9. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992. 687 с.
10. Всемирная история. М., 1958. Т. III.
11. Григорьев А.П., Телицин Н.Н., Фролова О.Б. Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XXI. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 3–24.
12. Гузев В.Г., Кляшторный С.Г. Древняя письменность Великой степи // Тюркологический сборник, 2007–2008. М.: Восточная литература, 2009. С. 146–369.
13. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 52–54.
14. Кляшторный С.Г. Из древнетюркской ономастики: царский род «голубых тюрков» // Востоковедение. 19. Филологические исследования. Серия востоковедческих наук. Вып. 35. СПб., 1997. С. 160–163.
15. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этно-культурная история Центральной Азии. СПб., 2006. 591 с.
16. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–XI вв.). Л., 1980. 256 с.
17. Кычанов Е.И. Собрание памятников Восточной письменности в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 331–372.
18. Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М., 1989. 283 с.
19. Насилов Д.М. Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении // Тюркологический сборник 1970. М., 1970. С. 93–110.
20. Тугушева Л.Ю. Поэтические памятники древних уйгуров // Тюркологический сборник 1972. М., 1973. С. 235–253.
21. Тугушева Л.Ю. Раннесредневековый тюркский литературный язык. СПб., 2001. 176 с.
22. Тугушева Л.Ю. Хуастуанифт. (Манихейское покаяние в грехах). СПб., 2008. 82 с.